

ЛЕВ ЛЕТЯГИН

кандидат филологических наук,
доцент

С 1989 г. работает на кафедре эстетики и этики РГПУ им. А. Герцена (СПб). Сфера научных интересов — история отечественной эстетической мысли, философия культуры, эстетика повседневности. Автор более 50 научных публикаций.

Основные статьи: Граффити на стекле // Родина. 1997. № 7; «Красная нѹжда — дворянская служба»: типологические аспекты биографии помещика — пушкинского современника. Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. М., 2000. Вып. 6 (22); Парки парка: участь, доля, случай. Опыт «топологической» характеристики одной модели поведения. Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. М., 2002. Вып. 8 (24); Усадебный металадшафт России. Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. М., 2004. Вып. 10 (26); Явление: Фрагменты политической и художественной хроники. Музей. 2005. № 2. Часть авторских текстов представлена в сети Интернет.

ПРЕДЕЛЫ БЕСПРЕДЕЛЬНОГО

О культурном статусе административных границ ¹

При очевидной открытости современных культурных границ, мобильности моделей социального взаимодействия, превращении путешествий из способа познания мира в индустрию туристического бизнеса воспроизведение индивидуальных форм пространственного сознания сохраняет актуальность одного из наиболее важных и действенных культурных механизмов.

¹ Публикация представляет фрагмент авторского текста из коллективной монографии «Образ России», издание которой предполагается в 2009 году при поддержке РГНФ (проект «Образ России: национальное самосознание и современность» № 07-03-02035а). В сборнике представлены работы известных петербургских исследователей — А. П. Валицкой, К. С. Пигрова, К. Г. Исупова, А. Е. Зимбули (отв. ред), К. В. Султанова, О. Р. Демидовой, а также тексты молодых авторов и аспирантов.

В любой национальной картине мира исторически сложившаяся система коммуникаций собирает и упорядочивает образы пространства. Лишь в новоевропейской истории происходит существенная трансформация образа дороги — его постепенная девальвация до уровня комфортности и скоростного режима. Однако, оставляя память о себе, а иногда и четко различимый след, дорога определяет отношения культурного предназначения и ответственности.

Типология пространственных открытий самым непосредственным образом определяет формирование национальной идентичности. Разнообразные и многочисленные «гермы» — знаки былого исторического движения и присутствия — показательны актуальны степенью герметичности воплощенных в них смыслов, всегда открытых для своего потенциального прочтения. Отношение к пространству как факту наследия формирует «чувство следа», выступает мерой и критерием *последовательности*.

«Что такое чертеж земли, иначе план, карта, и на что все это пригодно», — задавался вопросом В. Ф. Одоевский. Общность исторического ландшафта определялась индивидуальным *разумением* «о целой нашей матушке России, которая Божьею волею куда широко раскинулась...»². Показательно, что понятия «горизонт», «кругозор», «точка обзора» в русском обиходном языке закономерно выступают в качестве мировоззренческих метафор. Характер освоения мира определяет параметры личности. Уточняя пределы национального пространства, человек расширяет для себя границы возможного. Есть «диаметр сознания», — сказал когда-то Ю. Н. Тынянов. «Диапазон» личности обозначает «радиус» ее исторического поступания.

Человек всегда стремился найти свое место на карте. Метафизика дорожного пути человека определялась поиском им *своего* места. Постигание окружающего — движение от Хаоса к Космосу — начиналось со стремления упорядочить ближайшее к себе пространство, обустроить его «на свой лад». Это движение от потерянности к самообретению через *освоение* ландшафтных форм.

«Власть шири над русской душой, — писал Н. Бердяев, — порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков. Русская лень, беспечность, недостаток инициативы, слабо развитое чувство ответственности с этим связаны. Ширь русской земли и ширь русской души давили русскую энергию, открывая возможность движения в сторону экстенсивности»³.

Еще Платон главный недостаток эмоционально-чувственной мотивации поведенческих актов видел в непосредственной зависимости человеческих действий от окружающего. «Гений формы — не русский гений, — подчеркивал Бердяев, — он с трудом совмещается с властью про-

² Сельское чтение. Книжка, составленная <...>, князем В. Ф. Одоевским и А. П. Заблочким. 2-е изд. СПб.: [Тип. Мин-ва Государственных имуществ], 1843. Кн. [1]. С. 89-97; 93.

³ Бердяев Н. А. О власти пространств над русской душой // Бердяев Н. А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. С. 61.

странств над душой. И русские совсем почти не знают радости формы»⁴. В системе экзистенциальных философских практик данная точка зрения представляет собою *предельное* развитие тезиса, многим ранее (и весьма полемически) высказанного Ф. Достоевским: «Широк человек, я бы сузил...».

Выврванная из литературного контекста, эта мысль не раз приобретала смысл побудительного лозунга и оказывалась приложима к различным ситуациям. Важным, однако, представляется то, с какой настойчивостью русский писатель к ней возвращается: «Да какие же мы русские? <...> Действительно ли мы русские в самом-то деле? Почему Европа имеет для нас <...> такое сильное, волшебное, призывное впечатление?...» (*Достоевский Ф. М. Зимние заметки о летних впечатлениях*). Об этом же будет размышлять герой «Игрока» — романа, самым непосредственным образом затрагивавшего взаимоотношения России и Запада: «...Я, пожалуй, и достойный человек, а поставить себя с достоинством не умею. Вы понимаете, что так может быть? Да все русские таковы, и знаете почему: потому что русские слишком богато и многосторонне одарены, чтоб скоро приискать себе приличную форму. Тут дело в форме...» (*Достоевский Ф. М. Игрок. Гл. V*).

Художественные и публицистические размышления писателя займут свое закономерное место в бесконечном определении нашей «самости» от Новикова, кн. Щербатова и Карамзина до В. Соловьева⁵ и философов серебряного века. Однако основная идея Достоевского, высказанная им с позиций почвенничества, наиболее убедительно прозвучит в контексте знаменитой «Пушкинской речи» — в ключевом тезисе о «всемирной отзывчивости» творчества великого поэта. Смысл полуторавековой полемики о специфике нашей «национальной формы» никогда не был безотносителен к системе внешних оценок. Именно потому столь напряженно разворачивалось внутреннее противостояние мнений, включавших различные «дополнительные» аспекты — прагматизма и недеяния, теории «малых дел» и «непротивления злу». Отстаивая права самобытности, это противостояние никогда (даже в славянофильской традиции) не допускало восприятие «русского пути» как «инокультурного» для самой Европы опыта⁶. Вошедшая в философский обиход с легкой руки Бориса Гройса формула, определяющая Россию как *подсознание Запада*, не исключает, а как раз предполагает ответ на вопрос, что такое наша национальная жажда *формы*.

⁴ Сельское чтение. Книжка, составленная <...>, князем В. Ф. Одоевским и А. П. Заблоцким. 2-е изд. СПб.: [Тип. Мин-ва Государственных имуществ], 1843. Кн. [1]. С. 59.

⁵ Карамзин Н. М. О любви к отечеству и народной гордости; Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории...

⁶ Показательны размышления из указанной работы В. Соловьева. «Что такое русские — в грамматическом смысле? Имя прилагательное. Ну, а какому же это прилагательное относится? <...> Настоящее существительное к прилагательному есть европеец. Мы — русские европейцы, как есть европейцы английские, французские, немецкие...» (Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. II. С. 696-697).

«Эти русские, как вода, которая наполняет любой сосуд, но не сохраняет форму ни одного из них...», — авторитетно утверждал З. Фрейд⁷. «Ах, если бы мы могли видеть жизнь, а не ситуацию!!!», — невольно возражала швейцарскому психоаналитику его английская современница Вирджиния Вулф. «Кто бы вы ни были, вы сосуд этой непонятной жидкости, этого мутного, пенистого, драгоценного вещества — души. Для души нет преград. Она перехлестывает через край, разливается, смешивается с другими душами...»⁸.

Среди критериев, уточняющих и дополняющих аспектологию национально-этнической идентичности, обращение к фактам *идентичности пространственной* представляется показательно актуальным. Опыт построения «национальной географии» может рассматриваться как один из наиболее действенных критериев самоорганизации социальных систем. В русской культуре *пространственность* выступает в качестве надындивидуального национального понятия. Специфика отечественных культурных паттернов должна быть представлена не в виде суммы отдельных черт, а в качестве сформированных и укорененных в национальном сознании программ действия. Оцениваемая «извне» аморфность скрывает работу внутреннего самоопределения «коллективного бессознательного». Эстетическая атрибуция отношений «широты» и «узости», «верха» и «низа», «правого» и «левого» выступает интуитивно принимаемым условием формирования системы аксиологических оппозиций — «возвышенного» и «низменного», «правды» и «кривды». Формулы пространства оказываются эмоционально и рационально соотнесены со структурами сознания. Через них определяется модус культурной модальности — форм обнаружения себя в пространстве, общности исторических судеб. Для Вирджинии Вулф за «вялостью» русской формы вполне очевидна ее внутренняя структурная определенность. Основную особенность русского национального характера она определит как «натиск на жизнь <...> духа и тела»⁹ — специфическую полноту жизни, которая проявляется помимо и вопреки своей внешней неловкости.

Европейский взгляд на русскую культуру никогда не был универсальным и обнаруживал разную степень проницательности и познавательной ценности.

«Русский аршин» с трудом вступал в конвертируемые отношения с европейскими единицами измерений. Об этом вполне наглядно свидетельствуют известные нам (начиная с XV столетия) памятники «вояжной литературы» — тексты Гильбера Ланнуа, С. фон Херберштейна, Джиованни Тедальди, Джерома Горсея, Томаса Фенне, Ричарда Джемса, А. Олеария,

⁷ Ср. с мнением французского живописца Ораса Верне (1843): «Россия — это, так сказать, постепенно рассеивающийся хаос. В этой стране действуют все стихии, но нет еще того великого закона, который упорядочил бы их отношения. <...> Чтобы не поддаваться прекрасному иллюзиям, надобно твердо усвоить, что в сей стране все не более, чем вода...». Верне О. При дворе Николая I: Письма из Петербурга. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 22–23, 53.

⁸ Вулф В. Русская точка зрения // Писатели Англии о литературе. М., 1981. С. 285, 287.

⁹ Там же. С. 287.

Павла Алеппского, Яна Янсена, Николааса Витсена, И. Г. Корба, Б. Корнелия, Ф. В. Берхгольца, Г. Брандеса, Г. А. В. фон Гельбига, Я. Ульфельда, Ф. Альгаротти, Ж. А. Ф. Ансело, аббата Жоржея, П.-Ж.-Б. Дефоржа, Ж. де Сталь и, наконец, А. Кюстина, А. Дюма, Т. Готье...

Поворот оценок от «самобытной дикости» русских к их «подражательности» (идеологии «русского ученичества») в европейском сознании в значительной степени был связан с выходом в свет книги «Секретные записки о России» Шарля Франсуа Массона. Ее автор — «француз на русской службе» — в отличие от старых и современных ему авторов географических описаний, отразивших «этническую примечательность» Московии, дополненную, как правило, поучительно-просветительскими замечаниями, в своей книге предложит развернутый концепт, который в дальнейшем не раз будет устойчиво воспроизводиться — вплоть до процитированного выше мнения Фрейда. Именно Ш. Ф. Массону принадлежит первая по времени попытка построения «опыта сравнительной типологии». «Говорят, у русских нет своего характера, что его заменяет умение прекрасно усваивать характер других наций. Если при этом подразумевается только высший класс, то это верно. <...> За границей можно встретить только русского дворянина, на родине только его можно хорошо узнать, — он действительно обладает большими способностями сливаться во мнениях, нравах, манерах и языке с другими нациями. Он будет фриволен, как прежний французский петиметр, будет сходить с ума от музыки, как итальянец, будет рассудителен, как немец, своеобразен, как англичанин, низок, как раб, и горд, как республиканец. Вкусы и характер он будет менять так же легко, как моды, и, несомненно, эта физическая и умственная гибкость — его отличительная черта»¹⁰. Столетие спустя оппонентом Ш. Ф. Массона выступит датский критик Георг Брандес, предложивший не замеченное предшественниками основание принципиально иной аргументации: «Истина в том, что когда смотришь на Зимний дворец в Петербурге, возведенный по проекту итальянца Растрелли, или на прекрасную конную статую, изваянную французом Фальконе <...>, то снова и снова спрашиваешь себя, что же сделали, собственно, сами русские. Но вместе с тем понимаешь, что русские использовали труд чужеземцев в своем национальном духе...»¹¹.

Противоположность внешней и внутренней характеристики исторического процесса обнаруживает дополнительные качества в соотносении с пространством, «презумпция» которого для России составляет основную особенность национального культурного опыта. Не анаморфизм, а национальное «неподчинение форме» может быть выявлено как русская «этническая доминанта» (Л. Гумилев). «Свое» познается в сравнении с «чужим». Отношение к лимитрофам¹², как и всему пограничному, обост-

¹⁰ Массон Ш. Национальный характер // Массон Ш. Секретные записки о России. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 136-139.

¹¹ Брандес Г. Русские впечатления. М.: ОГИ, 2002. С. 54.

¹² (от лат. *limitrophus*). См. биографические сюжеты, объединенные этим названием в книге воспоминаний З. Шаховской: Шаховская З. А. В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991. С. 284-289.

ряется в порубежные эпохи. В этом случае характеристика «сопредельных территорий» как «поликультурных регионов» (в *обычном* толковании терминов) оказывается явно недостаточной. С учетом хроногенных факторов действенность механизмов, подчиняющихся *общим* принципам формирующейся сегодня регионалистики, существенно изменяется. Именно поэтому столь проблемной представляется сама возможность исследовать *феномен границы* как культуропорождающей среды, когда «смысловые водоразделы» выступают зачастую более убедительными преградами, чем естественные природные рубежи.

Для характеристики сопредельных пространств показательна смысловая амбивалентность понятия «дорога», в котором на уровне внутренней формы основной *коммуникативный* аспект вступает в смысловое единство с противоположным — *рубежным* — значением. Так, в большинстве славянских и индоевропейских языков «дорога» как «*продранное в лесу пространство*» — это еще и «долина», «овраг, лощина» (серб., словенск.), ср. с церковнослав. «подрагъ» — «край» (менее вероятным, правда, по М. Фасмеру, представляется родство с шв. Dreg — «узкая впадина, низина, долина»).

Статус дороги как части культурного ландшафта в единстве «разомкнутости» и «свернутости», «открытости» и «заповедности» обнаруживает связь с двумя другими семантическими рядами — «урокъ», «урочность», «урочище» и «удель», «удоль», «юдоль». С точки зрения формирования системы пространственных коммуникаций понятие «*культурный перекресток*» раскрывается в этом случае не в метафорическом, а в своем реальном историческом содержании.

Исторические пути расширяют понимание культурной границы, рассматриваемой в качестве «контактной сферы». Особое положение в пространственном формообразовании приграничных регионов занимают гидронимы, что объясняется не столько тем, что это наиболее архаичная часть топонимического субстрата, сколько самим географическим положением «протяженных наименований».

Водные рубежи как естественные в настоящем участки государственных или административных границ в не столь отдаленном прошлом служили единственным природным ресурсом активного и заинтересованного торгового диалога. Благодаря легендарному пути «Из Варяг в Греки» Скандинавское и Византийское пространства оказываются представлены в мировой истории как «сверстники», т. к. их связывает равное количество верст. Указанием на вполне определенную систему паритетных экономических отношений Северо-Запада Руси могут служить как многочисленные письменные источники, так и памятники фольклора, в частности, фрагменты эстонского эпоса «Калевипоэг», герой которого доставлял строевой лес из Пскова.

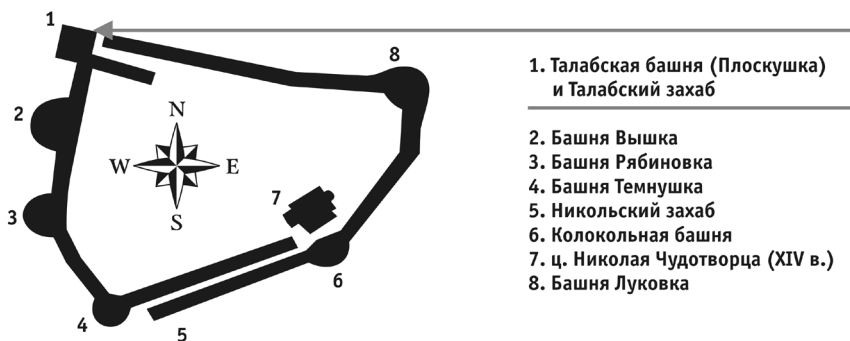
Характеристика рассматриваемого порубежного региона не ограничивается учетом функциональных аспектов межатнического взаимодействия. В этом плане показательны примеры «фольклорного толкования» ключевых географических названий. В наименованиях рек, течение кото-

рых оказывалось сориентированным по оси Север–Юг, актуализировалось понимание их этнической «рубежности», что подтверждается распространенным бытованием различных версий народной этимологии — таковы Нарва (Нарова/Норова) или р. Обдех, интерпретированная как «река бдительности».

Иным становится внутренний контекст водных коммуникаций, занимающих в ландшафте положение по оси Запад–Восток. Так, река Утроя (западная граница Пыталовского р-на Псковской области) в верхней части своего течения, на территории исторической Латгалии, имеет название Ритупе. «Rīts» + «цре» — буквально «Утренняя река» (по М. Фасмеру, она атрибутируется как «восточная», т.е. ориентированная «на утро», что в этимологическом отношении представляется более убедительным, чем указание на сочетание финно-угорских корневых образований «удрас» (выдра) и «ойа» (ручей) — А. Саресте). Аналогичной была ситуация со многими другими пограничными гидронимами, сохраняющими в настоящем свое «двойное» наименование — река Синяя (от «zils» + «цре»), Западная Двина — Даугава.

Топонимические кальки — обычное явление сопредельных территорий. Однако рассматриваемые нами примеры в их пространственной атрибуции интересны, прежде всего, в другом отношении. Так, реки Утроя и Синяя при небольшой своей протяженности (каждая — менее 200 км) представляют топографически развернутый культурный палимпсест — пример не механического совмещения разноразличных наименований, а их взаимного продолжения — разворачивания культурных миров (вода этих рек приносит свое название из иного этнического пространства, как из другого исторического времени).

В ряду рассматриваемых нами феноменов сопредельности интересна планировка Изборской крепости XIV столетия и особое положение в ее структуре Талабской башни. В отличие от остальных (круглых в плане) башен, возвышающихся сегодня на Жеравьей горе, она представляет собой почти правильный четырехгранник, что подчеркивается ее вторым наименованием — Плоскушка.

Планировка Изборской крепости XIV столетия

Наугольное положение башни, ориентированность ее стен по сторонам света могут быть интерпретированы как указание на древний торговый путь. Когда-то он представлял собою разветвленную водную систему, включавшую Городищенское и Мальское озера, реки Сходницу и уже упоминавшуюся Обдех (Бдеху), — систему, открывавшую для жителей древнего русского города выход к торговому пути, имевшему общеевропейское значение.

Как пространственный ориентир Талабская башня получила свое название по реке Толбе (Толве), впадающей в Псковское озеро с противоположной, восточной стороны. О ее включенности в коммуникативную структуру свидетельствует сохранившаяся система древних городищ, старые поклонные кресты и затерянные в ландшафте «вавилонь» — многочисленные рубленые знаки особой формы на плитах известняка и плоских гранитных валунах.

Для исследовательской атрибуции особый интерес представляет единство микро- и макроконтекстов, в соответствии с которым в пределах пограничной территории определялась пространственная идентичность представителей различных этнических групп, живших и занимавшихся промыслом по берегам Псковского, Теплого и Чудского озер¹³.

Примирающий статус сопредельного культурного пространства проясняется в «большом времени» — в принципах формирования национального ландшафта как системы ценностных координат. «Отсутствие резких физических границ, — отметит С. Соловьев, — заменено было для русского народа духовными границами, религиозным различием на востоке и юге, вероисповедным на западе; в этих-то границах крепко держалась русская народность и сохранила свою особенность и самостоятельность»¹⁴.

Видение «объекта» в историческом металадшафте включает различные уровни мировосприятия — в этом заключается исходный тезис современной географии или контекстуальной географии. Идеальным совмещением точек обзора в плоскости национального самосознания может

Талабская башня и часовня Иконы Корсунской
Божией Матери (нач. 1930-х гг.)

¹³ Название впервые зафиксировано в псковских писцовых книгах под 1643 г. См.: Мельников С. Е. О чем говорят географические названия: Историко-лингвистические и краеведческие заметки. Л.: Лениздат, 1984. С. 123. Попов А. И. Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л.: Наука, 1981.

¹⁴ Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М.: Наука, 1984. С. 28.

выступать «панорамное зрение» — категория, которой Д. С. Лихачев определял авторскую позицию Нестора-летописца.

Общий вид Изборской крепости
с высоты птичьего полета

Время вносит дополнительные смыслы в формирование пространственных проекций. Напряженная «рифмованность» событий отечественной истории обращала внимание, прежде всего, как опыт хронологических аналогий. В меньшей степени ключевые тенденции национального прошлого оказались осмыслены с точки зрения их географической привязки. «Странные сближения» исторических судеб определяются вне «теории волн» колонизации или военной экспансии, культурной ассимиляции или этнической дифференциации.

В переходные моменты истории проявляются созидательные качества культурной границы — ее особый статус по отношению к политическому центру. Речь идет не о противоположности словарных значений, а о смысловой неоднозначности оппозиции «периферии» и «метрополии», о геополитическом статусе понятий «самосознание» и «самоумнение», о пространственной локализации и концентрации смыслов исторического полагания. Это побуждает обратиться к трем актуальным «точкам сравнения» — примерам, уточняющим ценностные координаты национального «географического сознания».

Значимый поворот в понимании ландшафта — от мифологического единства к стройности политической и административной организации — происходит в эпоху Ярослава Мудрого. Наиболее ярким воплощением идеи созидания целостности наследуемых киевским князем «отеческих пределов» станет постройка Софийских соборов на Севере и Юге русских земель. «Около этого небесного образа выкристаллизовывается Новгород и Киевская Русь», — скажет о. П. Флоренский¹⁵. Объединяющий смысл символа, который «сделался первой сущностью» Руси, подчеркивался

¹⁵ Флоренский П. А. Троице-Сергиева Лавра и Россия // Прометей: Ист.-биограф. альм. М.: Молодая гвардия, 1990. Т. 16. С. 403.

преемственной последовательностью строительства храмов (1037—1045 гг. и 1045—1050 гг.). Оба Софийских собора, расположенные на важнейшем торговом пути, самым созвучием своих названий определяли структуру внутреннего взаимодействия, сопрягая духовное единство Древней Руси.

В масштабной деятельности, которую всю свою жизнь будет вести князь Ярослав (в крещении Георгий, Юрий), рассматриваемые постройки не будут единственными. Развитием принципа внутреннего устройства — вверх и вниз по течению Волхова — станет строительство Георгиевских соборов Ладоги и Юрьева Монастыря.

Географические сведения раннего отечественного средневековья интересны не сами по себе, а способом их сведения — включенностью в целостную картину мира. На пересекающей «Софийную ось» географической линии Ярославом Мудрым будут основаны важнейшие в стратегическом отношении крепости — Ярославль (1010 г.) и Юрьев [Дерпт, Тарту] (1030 г.). Обращает на себя внимание, что город Юрьев, аванпост в отношениях с соседними европейскими государствами, получает свое название по христианскому имени князя, как на восточной границе русских земель — по его языческому имени. В структуре древних и новых названий оказывается представлен ключ к пониманию принципов созидания исторического ландшафта. Как символическая система координат они освящают «крестным знамением» целостный собирательный образ «Ярославова пространства».

Русские крепости. XI век

Топологические характеристики сопредельных регионов актуализируют постижение понятий, формирующих константы национального мировоззрения. Смысловые лакуны в памяти места легко заполняются мифологией. Одним из наиболее распространенных механизмов выступает пространственное «пересечение судеб», отождествление или контаминация в народном мышлении реальных биографических фактов. У Никольской церкви в местечке Устье, где река Великая впадает в Псковское озеро, на камне сохраняется «исторически» запечатленным первый след на русской земле Софьи Палеолог. Здесь осенью 1472 года ее будут дожидаться послы Великого Московского князя¹⁶. По местному преданию, четырьмя столетиями раньше именно у этого камня-следовика¹⁷ начнется путь в Париж Анны Ярославны, дочери Ярослава Мудрого (действительное путешествие совершалось «сухим путем» — через Польшу, Чехию и южные германские княжества). Так в народном историческом сознании определяются дополнительные внутренние связи в династической истории Рюриковичей.

Вступая в брак с племянницей последнего византийского императора Софьей Палеолог, Иван III определяет исторические права своих потомков, преемственность которых по отношению к римско-византийской традиции теперь поддерживалась узами непосредственного кровного родства.

1480 год, стояние на Угре — на востоке русских земель — решает основную проблему отношений с Западной Европой. Закономерность политического возвышения Москвы выразят культовые и светские постройки Соборной площади. При Иване III возникают новые стены и башни Кремля, которые строились в короткий временной период — с середины 1480-х до конца 90-х гг. Именным указом Государя крепость и город будут отделены открытым пространством, свободным от любой застройки. Став градостроительным центром и символом, Кремль и Красная площадь обретают статус, не утративший за прошедшие пятьсот лет монументальной образности воплощения общенациональной идеи.

К формированию облика Столичного Града будут привлечены по преимуществу «внешние» творческие силы — «фрязи» и «люди и псковские» (Псков войдет в состав Московского княжества лишь в 1510 году, при Василии III). Показательно, что формирование системы пространственных символов государственности оказывается хронологически соотносимым с развитием общемировых ренессансных тенденций — биографические вехи Аристотеля Фьораванти (между 1415 и 1420 — ок. 1486) и П. А. Солари (после 1450–1493) вполне соотносимы, наприм., с датами жизни Леонардо да Винчи (1452–1519). Однако национальное Возрождение при Ива-

¹⁶ Пирлинг П. О. Россия и Восток: Царское бракосочетание в Ватикане, Иван III и София Палеолог. СПб.: изд. А. С. Суворина, 1892; Сухаржевский С. Покорение Константинополя турками и брак великого князя московского Ивана III с Софией Палеолог. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1877.

¹⁷ См.: Ушаков Ф. А. Описание древних городищ, городцов, курганов, валов, каменных крестов, мостов и камней с отпечатками разных предметов, сохранившихся в Псковской губернии (Материалы для составления археологической карты). [Псков]: Тип. Губернского правления, 1897.

не III обретает принципиально особый смысл — смысл созидания модели национального единства. Содержательный ритм этого процесса будет ощущаться и в более поздних тенденциях формирования отечественной истории. Именно поэтому значимым представляется не формальное соответствие построек эпохи Ивана III эстетике кватроченто, а опережающие темпы исторического поступания, особенно убедительные в сравнении с аналогичными тенденциями «пространственного самоопределения» других европейских стран — Великобритании, Нидерландов, Италии, Германии.

Идейное осмысление новой роли Московского государства в мировом пространстве будет предложено полвека спустя на западной русской окраине старцем Псковского Елеазаровского монастыря Филофеем. Вместе с тем «генетическая» основа теории «Москва — третий Рим» определится значительно раньше — в первые годы распространения христианства и вне географических пределов «Московии»¹⁸. Андрей Первозванный, собравший в опыте своего миссионерского паломничества пределы будущей Руси, был родным братом Ап. Петра, первого митрополита Рима. Евангельский текст, т. о., значительно расширял «хронотоп» российской государственности, что имело для отечественной истории и культуры особый символический смысл.

«Nomen est omen» — утверждает латинская пословица, имя есть судьба. Показательное «расширение» исторических задач, которые могли быть поставлены перед конкретным человеком, отражает имянаречение наследников Алексея Михайловича, представителя новой царствующей фамилии Романовых. Его первенец (от брака с Марией Ильиничной Милославской) — «боголюбивый» Федор — будет назван по имени царского деда, что оказывалось естественным с точки зрения поддержания семейной (и — шире — родовой) памяти. Следующий сын пятью годами позже получит имя Иван. В сознании современников оно должно было ассоциироваться с конкретным кругом политических идей и, прежде всего, подчеркивало династическую преемственность по отношению к Рюриковичам (в отечественной истории он получает законное право именоваться Иваном V).

Родившийся от брака с Н. К. Нарышкиной последний сын Тишайшего Царя в крещении получит имя Петр. В контексте теории старца Филофея (взятой Алексеем Михайловичем на вооружение в качестве официальной доктрины) выбор этого имени оказывался фактором, побуждающим и обязывающим к наиболее масштабному историческому поприщу¹⁹. В формировании отношений политической преемственности идейный опыт

¹⁸ Подробнее об этом: *Летягин Л. Н.* География идей и русский «пунктирный Ренессанс» // *Культура и культурология: Тенденции и проблемы. Тезисы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию Российского института культурологии* / Отв. ред. О. К. Румянцев. М., 2002. С. 48–51.

¹⁹ Пример Царя Алексея Михайловича Екатерина II, столь чуткая к историческому обоснованию своих государственных стратегий, делает частью большой политики. Это наглядно иллюстрирует последовательность имянаречения ее внуков — детей цесаревича Павла; определенную степень преемственности к политике предшественников обозначают собою и имена сыновей Николая I.

предшественников приобретал определенность исторического указания. Собственно говоря, для этого и будет позднее задуман Санкт-Петербург как Город Св. Петра, а имя младшего сына Московского государя, вопреки правам первородства, обозначит собою целую эпоху отечественной истории. Смысл именного предначертания окажется актуален как в планах личной биографии, так и в общенациональной судьбе.

В «Чтениях о Петре Великом» С. М. Соловьев отметит и прокомментирует отличительный смысл «географических поворотов» отечественной истории: «У нас переносятся столицы из одного места в другое, из Новгорода в Киев, из Киева во Владимир, из Владимира в Москву. Откуда это явление, отчего мы не видим его в других государствах, в государствах Западной Европы? Причина уясняется при первом взгляде на карту»²⁰. В пределах «чрезвычайно обширной страны» правительство «принуждено переносить свое местопребывание из одной части страны в другую по мере надобности, по мере прилива и отлива сил народных <...>, по мере сосредоточения народных интересов...».

Санкт-Петербург возникнет в пограничном пространстве — «на задворках» Швеции и России. (*Показателен тезис Н. В. Гоголя в его «Петербургских записках 1836 г.»: «В самом деле, куда забросило русскую столицу — на край света! <...> Выкинет штуку русская столица, если подсоседится к ледяному полюсу»*). Закономерно и то, что события, определяющие начальную судьбу новой российской столицы (Нарва, Лесная, Полтава), происходят на пересечении важнейших коммуникаций, и поэтому (пока что) на значительном удалении от нижнего течения Невы, которому в скором времени будет суждено стать оплотом империи.

Вопрос о местоположении Петербурга оставался дискуссионным даже тогда, когда убедительность воплощения его градостроительной схемы уже не вызывала сомнений. «Правду сказать, Петр 1-й близко сделал столицу...», — записал со слов Екатерины II ее статс-секретарь А. В. Храповицкий. От себя же он дополнит: «NB. Он ее основал прежде взятия Выборга, следовательно, надеялся на себя», — эти записки были сделаны в июне 1788 г., на фоне обострения политической ситуации в Европе и «начала военных действий» между Россией и Швецией²¹.

Дневниковые заметки Храповицкого могут быть дополнены мнением Гете (никогда, впрочем, не бывавшего в Санкт-Петербурге): «Местоположение Петербурга — непростительная ошибка, тем паче что рядом имеется небольшая возвышенность, так что император мог бы уберечь город от любых наводнений, если бы построил его немного выше, а в низине оставил бы только гавань...»²². Однако, как отмечает С. Соловьев, «не Петр по своему произволу утвердил правительственное пребывание

²⁰ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 88; Кожин В. В. Путь Руси из Киева во Владимир // Родина. 1996. № 5. С. 39-44; № 6. С. 24-28; Борисенок Ю. Большая прогулка // Там же. № 6. С. 29-31; Погосян Е. А. От Старой Ладogi до Екатеринослава (место Москвы в представлениях Екатерины II о столице империи) // Лотмановский сборник. М.: ОГИ, 1997. Т. II. С. 511-522.

²¹ Храповицкий А. В. Памятные записки. М.: Университетская типогр., 1862. С. 72.

²² Эккерман И.-П. Разговоры с Гете. М.: Художественная литература, 1981. С. 328.

в Петербурге, ибо новопостроенный городок был оставлен своим основателем вовсе не в таком привлекательном положении, чтоб удобствами жизни заставить двор предпочесть его Москве или какому бы то ни было другому месту».

Не ограничивавшийся аргументами обычного утилитаризма российский император формирует и новое представление о городском ландшафте. Показательно уже то, что это был первый в мировой практике пример строительства столицы «набело» — на «неосвоенном» ранее месте. В качестве исторического прецедента может рассматриваться только древний Византий, обращение к историческому примеру которого для «Третьего Рима» определялось правами «прямого наследования».

Петербург, куда перемещаются представительские функции всей Московии, был замыслен своим создателем и возник как *Град* и только воплощался на протяжении веков как *город*. Для обывательского сознания Идея Града неуютна, что предопределило в дальнейшем многочисленные смысловые смещения в характеристике его «умышленности»:

И заложил империи оплот,
Себе столицу, но не город людям...

А. Мицкевич

Дяды (перевод В. Левики).

Исторический металадшафт — это установка на восприятие «горного» измерения города. С самого начала место в болотистой дельте Невы, выбранное для петровского «парадиза», становится точкой концентрации высказанной много ранее идеи: Град Св. Петра формируется как столица христианского Мира. «Москва знает, что с появлением новой столицы между ними произошло разделение занятий, а следовательно, и соединение сил» (С. Соловьев). Петербургская «вертикаль» истории предполагала и предлагала рассмотрение пространства Мирового города в «относительной одновременности» новых и прежних смыслов. Именно поэтому при внешней «европейскости» Петербурга оборотная сторона его «планировочной симметрии» всегда сохраняла ощутимый «национальный акцент».

Хорошо известно определение А. Дюма, который называл Невский проспект «*Rue de tolerance*». Во второй половине XVIII века, когда на Невском формируется культурный и торговый центр, здесь почти одновременно будут сооружены храмы основных христианских конфессий. Однако на главной городской магистрали они выстраиваются «одной линией» слева, в то время как с правой стороны будет показательно доминировать православный Казанский собор²³. Данный оценочный факт выступает характеристикой мировоззренческого порядка. В системе планировочных решений исторического центра столицы оказались расставлены неслучайные смысловые акценты, когда приоритеты экономического партнерства не могли распространяться на равенство позиций в сфере духовной.

²³ Этот принцип «безупречно» воплощен в пределах «Пушкинского Петербурга» — до Фонтанки. Подробнее об этом: Летягин Л. Н. Черновики и подстрочники петербургского текста // Жизненный мир поликультурного Петербурга: Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. Л. М. Мосоловой. СПб.: Астерион, 2003. Вып. 1. С. 150–155.

Показательно значимыми для визуального восприятия на фоне рядовой застройки Московской стороны станут и такие градостроительные доминанты, как шпиль Адмиралтейства и купол Троицкого собора Александро-Невской Лавры. Их ключевое положение в «перспективной» планировке города — показательный пример ценностной ретроспективы. В сознании современников в этих постройках актуализировались не столько пространственные, сколько хронологические координаты, связывавшие в единый исторический контекст даты 1704 и 1240 — закладку первой (крупнейшей тогда в России) морской верфи и победоносную Невскую битву со шведами легендарного русского князя.

Главная «Невская дорога» прокладывалась как «ось времени», относительно которой в качестве «композиционного целого» оформлялся более чем полутысячелетний период отечественной истории. Пространственная связь архитектурных образов должна была подчеркивать в осваиваемом ландшафте общность исторических планов. Именно поэтому одновременно с закладкой Адмиралтейства «весною 1704 года Петр <...> торопит Шереметева, чтоб шел поскорее и взял Дерпт: «Идти и осадить конечно [т. е. окончательно — Л. Л.] <...>, чтоб сего Богом данного случая не пропустить, и зачем мешкаете не знаю, не извольте медлить»...»²⁴. Так обозначалось смысловое единство прежнего летописания и новейшей хронологии, когда логика исконной мотивированности находила свое продолжение в акте военной и политической свершенности.

Закладка Новой столицы России происходила «перед лицом всей Европы», приобретая тем самым форму исторического ответа. Активное освоение сопредельного с Западной Европой пространства становилось по замыслу Петра Великого и его преемников выражением исторического предопределения. Решение вопросов внутреннего обустройства подключалось, таким образом, к кругу проблем, формирующихся относительно «географической оси истории» (Х. Маккиндер), что выражалось точным обозначением «на будущее» основных векторов геополитики.

Сам факт максимального приближения столицы к границам государства изначально определил его этническую многоликость, являвшую собою не сочетание ассимилированных форм, а потенциал активного пассивного взаимодействия.

Возможно, именно поэтому город-порт — цитатно продолживший в своем архитектурном облике ряд классических европейских портиков и церковных порталов — отстоял право на свою стилистическую неповторимость и уникальность исторической судьбы.

Типологическое единство культурных форм существует помимо и вне административных границ. В этом, в частности, и заключена специфика целостности **русского мира**, основные параметры которого определяются комплексом доминантных отношений, в которых до настоящего времени

²⁴ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 91. Историческое название Юрьев, данное городу при основании Ярославом Мудрым, будет возвращено ему много позднее завершения Северной войны (в царствование императора Александра III) и просуществует четверть века — до 1919 года.

сохраняется живая традиция — укорененность в повседневной практике и естественных моделях культурной активности.

Мироотношение — определяющее понятие национальной картины мира, в котором оказываются неразрывно связаны прошлое и настоящее. Формулы исторического присутствия укоренены глубоко в «подсознании народной толщи» (С. Маковский). «И заколдован был сей круг...», — скажет А. Блок, обращаясь к образам национального прошлого, «живой памяти старины».

Однако покón века — не только «начальное», но и «конечное», предельное явление самобытной формы, а потому нечто большее, чем просто «свычаи и обычаи». Ориентируясь на карамзинскую традицию, об этом размышлял в своем «Тарантасе» В. А. Соллогуб: «Путевые впечатления в России могут много явить любопытного, в особенности если они будут руководствоваться одной истиной. Подумайте, какое обильное поле для изысканий: изучение древних памятников...». Беспредельность русского мира раскрывается в глубине его истоков. Для каждого культурного поколения *география идей* сохраняет свой пространственный след как завет, указание, ПУТЬ.

В жизни каждого исторического народа наступает время собирать и восстанавливать гермы...

